

КРАСНОДАР. Пустые сцены горьковского дома

Краснодарский краевой театр драмы открыл свой очередной сезон премьерой, и не просто новым спектаклем, а **Максимом Горьким**, чье имя он носит и чьи постановки — нечастый гость на его сцене. Горьковские «Мещане» тот спектакль, который бы не помешал театру и украсил бы безрадостную афишу местного драматического флага. Но, к сожалению, наши ожидания в очередной раз не оправдались.

Режиссера-постановщика **Геннадия Шапошникова** заподозрить в неумении, незнании своего ремесла очень сложно — даже в краснодарском спектакле на первый взгляд все ладно скроено. Однако сделано все как-то наспех, с желанием поскорому «отписаться». Надо сказать, краснодарские «Мещане» выросли из весенней лаборатории, в которой Шапошников при-

нимал участие, но чувствовал себя явно не в своей тарелке. Сейчас театр ждал не читки-однодневки, а глубокого, содержательного разговора, ведь горьковский текст с превосходными словесными поединками, философскими изысками, иронией, юмором более чем к этому располагает. При этом у каждого персонажа своя правда, и довольно-таки жесткая, веская.

В нашей же данности случился лишь выход с текстом, со сменой голосовых регистров, без всяких подтекстов и психологического окраса. К примеру, Нил, воспитанник главы семейства, меньше всего похож на представителя рабочей элиты, кем являлись железнодорожники в дореволюционной России. В исполнении **Александра Крюкова** мы увидели банального босяка с приклатненными замашками. Петр в исполнении **Арсения Фогелева**, кажется,

Нил — А. Крюков. Фото А. Есикова

Финальная сцена. Фото Д. Глуценко

больше мучается не собственной судьбой, а тяготится ролью, отбывая сценическую повинность. Скука и брезгливость не сходят с лица артиста даже в сердечных сценах. **Олег Метелев** (певчий Тетерев) так яростно играет хмельной интеллект, что своей экспрессией просто затмевает всех обитателей несчастной «коммуналки».

Если мужской состав явно выделяется в так называемом ансамбле, то бессеменовских женщин мало того что плохо слышно, они еще невероятно унылы в своей деланной манерности. Возможно, только **Юлия Романцова** (вдова смотрителя тюрьмы) смогла сыграть страсть и темперамент, заложенные в ее персонаже. Но Романцова — одна из лучших актрис театра, и ей, как никому, удаются яркие, экспрессивные натуре.

Однако точечные успехи не выводят спектакль на нужный уровень. Чрезмер-

ный пафос и искусственная ажурность только подчеркивают внутреннюю пустоту и одномерность кубанских «Мещан». Режиссер даже использовал принцип simultанного действия, когда актеры говорят одновременно, синхронно. Данный монтаж, конечно, хорош, если он оправдан и им умеют пользоваться, но такой прием требует основательного тренажа, безукоризненной техники, чтобы не получился птичий гвалт, как в нашем случае.

Сей принцип был использован и в сценографии, когда на сцене декорации расположились последовательно, одновременно показывая ситуацию с разных сторон, создавая что-то вроде полиэкранного эффекта. Эта кинематографичность наложила на весь спектакль, даже на музыку, шедшую вразрез с действием и зачастую заглушающую его эмоциональный ряд.

Можно отметить простые, строгие и

Татьяна — Евг. Белова. Фото А. Есикова

Тетерев — О. Метелев. Фото А. Есикова

Вдова смотрителя
тюрьмы —
Ю. Романцова.
Фото Д. Глушенко

одновременно искусные костюмы **Ирины Шульженко**, не выбивающиеся из сценографической картины **Владимира Боера**. Каждый угол дома художником «подогнан» под героя, как, к примеру, сиреневая, даже светло-фиолетовая комната, с портретом Ивана Сергеевича Тургенева на стене, школьной учительницы Татьяны (**Евгения Белова**). Тургеневская девушка? Вряд ли, так как объект ее мечтаний Нил меньше всего подходит на роль «тургеневского юноши». Героиня Беловой необычайно импульсивна и нервна, она тянется к отцу, но он, словно Король Лир, не замечает свою дочь. Эти мотивы на какое-то мгновение проскальзывают, но и они не делают погоду, так как Горький требует определенной режиссерской позиции.

Даже народный артист России **Анатолий Горгуль** (роль Василия Васильевича Бессеменова — бенефисная работа замечательного актера) не спасает положения. Невозможно понять, зачем юбиляра

«украсили» невнятным париком... Впрочем, вызывает оторопь и финал спектакля, когда домочадцы в сусально-ангельских позах, в небесно-голубых одеждах, хороводом обняв, словно Христа, главного героя, превращают сцены из семейной жизни в приторную, мармеладную мистерию, с лубочным хеппи-эндом.

Невольно вспоминаешь других «Мещан» — Краснодарского молодежного театра в постановке Владимира Рогульченко — «Сцены в доме Бессеменовых». Вспоминаешь как саму атмосферу, так и отдельные сцены, где был придуман ход, и ощущалось личное отношение к горьковскому дому, и чувствовалось, почему этот дом терпит крах. То был спектакль-размышление, спектакль с израненной душой. В работе Краснодарского театра драмы этого нутра, а соответственно, боли и в помине нет. А Горький присутствует лишь в виде текста и бюста писателя.

Александр ГЕННАДЬЕВ